

rich L. Erzählungen des Mittelalters. Bern-München, 1962. Bd.1. S. 131. Источник: Herolt Johannes. Sermones discipuli de tempore, 1484, sermo 84.

34. Указ. соч. S. 142-143. Федорова В.П. Современное состояние духовных стихов в старообрядческой среде Южного Зауралья. // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия.

К 70-летнему юбилею Федора Мартыновича Селиванова. Международная научная конференция (Москва, 29-31 октября 1997 г.). – М., 1998. – С. 124.

35. В предшествующем стихе из Библии говорится: «Ты возвращаешь человека в тление и говоришь: «возвратитесь, сыны человеческие!»» (Пс. 89.4).

УДК 82;316.3

Киселева И.А., Гузина С.В.

Московский государственный
областной университет

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1820-30 ГОДОВ*

Аннотация. Статья решает проблему особенностей осмысления идеала в социальной сфере – отношений человека и общества. Авторы приходят к выводу о том, что для русской поэзии 1830-х годов высший смысл человеческого бытия открывается в реализации способности к любви и единению. Русские поэты-романтики развенчивают культ западноевропейского романтического индивидуализма и последовательно проводят мысль о необходимости нравственного служения творческой личности. Утверждается, что идеал личностного существования осуществим в те моменты, когда общее благое действие становится сущностью каждого.

Ключевые слова: идеал, личность, любовь, общество, патриотизм, поэт, толпа.

I. Kiseleva, S. Guzina

SPIRITUAL AND MORAL IDEAL OF
RUSSIAN POETRY OF 1820-30'S

Abstract. This article solves the problem of peculiarities of interpretation of ideal in social sphere, i.e. relationships of a person and society. The authors come to the conclusion that for Russian poetry of 1830's the highest sense of human existence is revealed in realization of person's abilities to live in love and unity. Russian romantic poets debunk West European cult of romantic individualism and a thought about creator's moral duty is coherently pursued in

their works. It asserts that ideal of personal being is realized in those moments when the common good becomes an essence of everyone.

Key words: ideal, personality, love, society, patriotism, poet, crowd.

Конец XVIII– начало XIX века отмечен особым интересом к проблеме духовно-нравственного идеала. Этот вопрос рассматривался как в немецкой классической эстетике (ему отводится большое внимание в работах И. Канта, И. Фихте, Г.В.Ф. Гегеля), так и поднимался в образной форме на страницах художественных произведений. Отошедшая от нормативности классицизма с его канонически ориентированным мышлением, стоящая перед духовным самоопределением, личность человека романтической эпохи оказалась лицом к лицу с проблемой индивидуального выбора по отношению к идеалу и осознанию того, что есть идеал. В современном литературоведении в осмыслении романтического идеала намечены две основные линии: первая связана с проблемой идеала в социальной сфере – отношений человека и общества, вторая – в сфере чисто эстетической. Вторая линия представляется на современном этапе науки более разработанной, и потому одна из перспектив изучения романтического идеала именно исследование исканий романтизма в сфере постижения проблемы «человек и общество». Безусловно, это требует уточнений и разъяснений, возможных в свете методологических посылок, сформировавшихся в русле так называемого духовного, или религиозного литературоведения, опирающегося во

* © Киселева И.А., Гузина С.В.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАО, государственный контракт №П2198 от 09.11.2009, тема проекта «Человек и общество: духовно-нравственные идеалы личности в русской романтической литературе».

многим на метафизический и аксиологический методы изучения русской словесности. Опытом приложения подобной методологии к русской романтической поэзии 1830-х гг. и является настоящая статья.

Одним из русских поэтов, чье творчество явило собой зримо высшую идею человеческого существования, то есть идеал (Г.В.Ф. Гегель), поэтом, представившим своей творческой деятельностью и сам процесс обретения идеала, был М.Ю. Лермонтов. Уже в раннем своем стихотворении «Когда б в покорности незнания...» (1831) он размышляет об истоках стремления к идеалу, находя их в самой сущности человека – образе и подобии Творца:

*Когда б в покорности незнания
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил.
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать [1].*

Это апологетическое в своем роде стихотворение, пронизанное опытом вечной жизни, являющее собой своеобразное доказательство бытия Божия, показывает, что осуществимость идеала поэт видит в преодолении противоречий между человеком и обществом, что умозрительно представлял и И. Кант. Художественное творчество Лермонтова и философские размышления И. Канта являются собой лично окрашенное толкование Священного Писания, в котором изложены заповеди, указывающие путь к достижению вечной жизни. В первую очередь здесь следует говорить о заповеди любви, исполнение которой связано в том числе и со следованием десяти заповедям, данным Богом через пророка Моисея народу Израиля. Заповеди эти актуализируют социальную природу человека, грех определяется как отпадение от правильного (искреннего, в любви) отношения к другому. В стихотворении «Настанет день – и миром осужденный...» (1831) Лермонтов, размышляя о смерти и о готовности человека к переходу в иной мир, напишет:

*Что смерть? – лишь ты не изменишь
душою –
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки*

*Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат (I, 211).*

Лермонтов рассматривает жизнь человека в мире вечном как продолжение жизни в этом мире, условием же продолжения жизни в ее высоких основаниях является неизменность души, то есть ее соприродность вечности. Знаком вечного мира для Лермонтова являются особые отношения между людьми, отношения, основанные на родственной (братской) любви, истоки которой коренятся в чувстве сыновства по отношению к Богу – Творцу неба и земли.

В одном из писем друга Лермонтова – В.Ф. Одоевского – читаем: «<...> один путь к душевному спокойствию, к истинной силе, к высокому наднебесному состоянию духа, к пространнейшему развитию дарований, один путь, который низводит Небо в душу человека!». Небо в душе человека, по В.Ф. Одоевскому и в согласии с христианской традицией, – это состояние блаженства, которое есть существование вне греха, в его преодолении. Путь к достижению подобного состояния В.Ф. Одоевский определяет как веру, основание которой, как он пишет, «изображено четырьмя словами в Евангелии: *любовь к Богу и любовь к ближнему*». Призывая вникнуть в эти евангельские слова, В.Ф. Одоевский пишет, что эти «две любви, о которых так часто толкуют светские люди, как о вещи самой обыкновенной, обнимают вселенную! <...> Эти две любви тесно соединены между собою и одна без другой быть не могут; первая предполагает *младенчество* души (вспомните, что говорит Священное Писание о младенцах), вторая *мудрость мужа*. В сем двойственном состоянии человек поставлен в сей жизни на страже добра, и ни одно мгновение не должен предаваться животной дремоте. Посмотрите: все страдает в природе, начиная от человека до червя; один человек имеет силу утолить страдание природы; даже в низших слоях ее отымите руку человека – и природа гибнет; отымите человека от человека – человек едва ли существует» [2].

Указывая на жизненную необходимость сообщества для самого существования личности, В.Ф. Одоевский обнажает социальное назначение человека, призванного к общению с Богом и миром. В.Ф. Одоевский развенчивает культ западноевропейского романтического индивидуализма. Именно в индивидуализме писатель видит «источник

всех зол, которые окружают человека с колыбели»: «Что только полезно самим нам, то, отражаясь о семейство, о родину, о человечество, непременно возвратится к самому человеку в виде бедствия» [3]. В.Ф. Одоевский проводит здесь мысль о том, что если человек действует только в своих интересах, не заботясь о благе общества, то это в конце концов вредит и ему самому, так как благополучие отдельной личности определяется ее местом в социуме и благополучием социума как такового.

Поэзия русского романтизма глубоко прочувствовала идею нравственного служения человека. Интерес романтиков в национальной истории также имеет свои основания в постижении высокого пафоса служения, в ней заключенного. Если В.Ф. Одоевский размышляет о человеке исходя прежде всего из его духовной вертикали, то поэтам 1820-30-х годов свойственно представлять человека в его исторической – прямой и обратной – перспективе – в его духовной горизонтали, которая является фоном и плотью высоких идей о человеке как образе и подобию Бога. Особого внимания здесь заслуживает так называемая поэзия гражданского романтизма, одним из самых талантливых представителей которой был К.Ф. Рылеев. Сила его поэтического слова во многом повлияла на духовное становление как современников, так и потомков поэта. Для его творчества была характерна убежденность, что противостоять порокам мира может только человек, идеалами которого является общественный долг, гражданский подвиг, высокая жертвенность во имя Отечества. Не будем касаться здесь его политических взглядов, это может стать материалом отдельного исследования. Оговорим только, что даже современники часто представляли себе К.Ф. Рылеева не как бунтаря, возмущившегося против государственной власти, а как человека, мысли которого пронизаны любовью к своему Отечеству. Так, например, Ф.И. Буслаев, которого во многом воспитала, так же, как и Лермонтова, Пензенская губерния, писал, что в 1820-30-х годах «в стенах самой гимназии мы читали “Войнаровского” и “Думы” Рылеева», и «мы, гимназисты, вовсе и не воображали, что Рылеев – государственный преступник, и знать – не знали, что он был казнен. Напротив, он казался нам добрым патриотом...» [4]. И действительно, сама поэзия К.Ф. Рылеева была не просто иллюстрацией его политических убеждений (вопрос о которых так однознач-

но и не решен на современном этапе развития историко-литературной науки), но образным воплощением русского патриотического духа, вобравшего в себя опыт традиционной культуры православного народа. Героизмом и высокой духовной простотой поражает созданный им образ Ивана Сусанина, предсмертные слова которого:

*Ни казни, ни смерти я не боюсь:
Не дрогнув, умру за царя и за Русь!* [5],

пронизанные глубокой искренней верой и высоким чувством жертвенной любви, явились истоком гражданственно-поэтических порывов современников К.Ф. Рылеева.

Поставив в центр поэтического повествования героя из простого народа, К.Ф. Рылеев показал не исключительность, но нормальность для русского человека самоотречения во имя любви к Богу и ближнему, а точкой схождения двух величайших заповедей любви и предстает в русской поэзии и русской жизни любовь к Отечеству.

Человек из народа в качестве носителя идеала, хранителя вечных ценностей актуален и для творчества других поэтов-романтиков. Особое место занимает такой герой в творчестве Лермонтова. Яркой иллюстрацией патриотических убеждений и глубокого уважения и любви Лермонтова к народной России, являющейся хранительницей национальной культуры, в творчестве Лермонтова является стихотворение «Бородино», где судьбоносное для России и мира событие представлено через восприятие простого православного человека, осмыслено солдатом, который мыслится как главный участник исторического бытия. Поэт постоянно подчеркивает общее отношение к делу защиты Отечества, к воинскому долгу. Одной из ведущих мыслей стихотворения как раз и является мысль о человеческом единении перед лицом общей опасности. Воин, от лица которого ведется основное поэтическое повествование, акцентирует внимание на общности целей, представляя себя не как горделивое «я», но как личностно и глубоко переживаемое «мы»:

*И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой... (I, 10-11).*

Причем это человеческое единение стоит в теснейшей связи с единением человека

с Богом, что проявляется в смирении, в основе которого лежит надежда на благодать Господней воли, которая и является, наряду с мотивом родственного единения, одной из важнейших доминант художественной и духовно-смысловой структуры рассматриваемого стихотворения [6].

Мотив родственного общения вообще характерен для русской жизни эпохи романтизма. Он проявляется не только в стихотворениях с военной тематикой, но и в философской лирике, в жанрах послания, элегии, глубоко и проникновенно сквозит в эпиграфии. Личности русских поэтов-романтиков в значительной степени формировались и реализовывались в среде близкого им общества. И лермонтовское «Бородино» написано под влиянием домашнего общения, представляя собой диалог старшего с младшим. «Сказка, дядя...» – такое разговорное начало говорит о простой и доверительной атмосфере.

Эта атмосфера родственного участия была характерна не только для мира чуждых света простых людей, но проявлялась и в жизни московского и петербургского высшего общества. Несмотря на романтическую установку, связанную с противопоставлением «мир души – холодный свет», в русской жизни 1820-30-х годов культивировалась и теплота сердечного участия. Особым культурным феноменом в романтическую эпоху стали литературные кружки и салоны [7]. К.Д. Кавелин характеризует их роль как школу общения: «Вводимые в замечательно образованные семейства добротой и радушием хозяев, юноши, только что сошедшие со студенческой скамьи, получали доступ в лучшее общество, где им было хорошо и свободно, благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах <...>» [8]. Салоны были местом отдохновения для впечатлительных и остро чувствующих сердец русских поэтов начала XIX века. Хозяйкой салона, как правило, была женщина, и вот как один из посетителей (легендарная в своем подвиге жены декабриста М.Н. Волконская) говорит о приеме в салоне З.А. Волконской: «Она приняла меня с нежностью и добротой, которые остались мне памятны навсегда; окружила меня вниманием и заботами, полная любви и сострадания ко мне» [9]. Хозяйку другого салона А.П. Елагину – племянницу первого русского романтика В.А. Жуковского, А.И. Кошелев характеризует так: «Женщина высокообразованная и одаренная чрезвычайным любящим сердцем» [10]. Как отмечает

Т.А. Алпатова, русские салоны «стремились быть именно «домами», в которых общество скреплялось в первую очередь ближайшими родственными и дружескими связями, что нашло отражение и в поэзии той поры» [11]. Распространенный в ту эпоху жанр послания также свидетельствует об особой душевной установке общества на теплоту общения среди близкого социального круга. Феномен альбомной культуры, свидетельствующий о тесной связи поэзии и жизни, также активно развивался именно в романтическую эпоху. Для русской жизни первой трети XIX века, в отличие от западноевропейской, культивирующей иллюзорный мир мечты, была характерна попытка осуществления идеала в мире реальном, преобразование реальности внутренней духовно-душевной работой человека, сообщества индивидуумов. Поэзия И.И. Козлова, Е.П. Ростопчиной, Н.М. Языкова и других представителей той поры является ярким свидетельством добросердечной атмосферы литературного общения в России. Конечно, была и другая тенденция, ее отразил, например, Лермонтов в стихотворении «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1841):

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,*

*Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, –
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки (I, 36).*

Однако это стихотворение не носит обличительного характера по отношению ко всем людям, принадлежащим светскому обществу, поэт акцентирует здесь именно безличность, продиктованную маскарадностью ситуации новогоднего бала в дворянском собрании. Здесь общество предстаёт как явление тленного, то есть ненастоящего, призрачного времени, отсюда и образ лермонтовского произведения – лирическому герою реальная картина маскарада видится «как будто бы сквозь сон». Романтические условности под влиянием традиционной русской духовности в сознании Лермонтова преломляются, и поэт

следует основанной на христианском духовно-культурном опыте концепции, когда толпа – это масса людей, не стремящаяся к идеалу, подчиняющаяся стихийному чувству, инстинктам, потребностям телесно-душевной, а не духовно-душевной жизни. «Давно бестрепетные руки» светских красавиц не волнуют поэта, ему дороже мечты его «созданье / С глазами полными лазурного огня, / С улыбкой розовой, как молодого дня / За роццей первое сиянье» (I, 53). Возвышенный и естественный в своей близости к простому природному миру созданный поэтом образ-идеал являет собой чистоту и невинность, качество тех существ, о которых писал поэт в раннем стихотворении «Отрывок» («На жизнь надеяться страшась», 1830), показывая, что таковых по их безгрешности есть Царство Божие. Лермонтов довольно часто обращался к апокалипсической тематике, «Отрывок», наверное, единственный текст, где так прямо выражена идея не только наказания грешников, но и торжества праведников:

*Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.
Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей... (I, 141).*

Это стихотворение содержит в себе и еще один важный духовный аспект, который затем получит свое развитие в знаменитой «Думе» (1838), где поэт в обличении поколения не противопоставляет себя толпе:

*Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда (I, 24).*

Поэт берет на себя ответственность за грехи своего поколения, наблюдая и в себе язвы времени. В стихотворении «Не верь себе» (1839) поэт видит в толпе людей страдающих и имеющих право на сострадание:

*А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления или утраты!.. (I, 28).*

Сочувственный пафос стихотворения не

уступает мотивам обличения, а величие Лермонтова открывается в его самоукорении, поэт свои индивидуальные мечты и страдания низводит до уподобления маскарадности:

*Поверь: для них смешон твой плач и
твой укор,
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным... (I, 28).*

Самым же сильным по обличительному пафосу, карающему толпу, свет, является знаменитое стихотворение Лермонтова «Смерть поэта» (1837), где толпе выносятся приговор отнюдь не в духе западноевропейского романтизма. Прямым источником здесь служат изложенные в Евангелии события распятия Христа. Как Христа – а Пушкин здесь уподобляется именно Ему, и знаковой деталью выступает образ тернового венца – распинают не личности, а безумствующая толпа, жаждущая крови и опасаящаяся за свое мнимое благополучие и стабильность, подчинившаяся воле дьявола. Смерть Пушкина не только результат действий того, кто «заброшен к нам по воле рока», но прежде всего толпы с ее завистью, ложью и клеветой. У самого Пушкина этот мотив звучит наиболее ярко в трагедии «Моцарт и Сальери», где Сальери – образ ничтожной толпы. Моцарт приходит к мнимому другу, как сам Пушкин вступает в «этот свет завистливый и душный». Эсхатологический пафос стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» резко определяют толпу как обреченных к вечной гибели:

*И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь! (I, 9).*

В «Смерти поэта» Лермонтов проводит мысль, о том, что «жадною толпой стоящие у трона», предавшие в себе образ Божий люди, утратившие веру в идеалы и переставшие стремиться к совершенству человеческого сосуществования предстанут перед Божьим Судом и не смогут получить прощения от Судии. В этом стихотворении автор-поэт противостоит толпе как свидетель ее беззакония, повлекшего гибель светоча, дивного гения, как называет Лермонтов Пушкина. Здесь он предстаёт как поэт в своем единении с другим поэтом, вступающий в оппозицию к «клеветникам ничтожным». Поэт не может быть с толпой в ее проданности дьяволу, одно из

имен которого и есть имя «клеветник».

Образ толпы как в русской, так и в западноевропейской романтической эстетике чаще наделяется отрицательным смыслом, но слово свободно и подчиняется воле автора. Так, в стихотворении Лермонтова «Поэт» (1838) лексема «толпа» является синонимом слова «народ», «сообщество»:

*Бывало, мерный звук твоих могучих
слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пи-
ров,
Как фимиам в часы молитвы (I, 24).*

Обращаясь к героическому прошлому, памяти веков поэт показывает толпу, живущую героическими воинскими идеалами. Здесь образ толпы выступает не в ее условно-романтическом понимании, а как единое сообщество, одушевленное общим делом. Подобное понимание присутствует и в стихотворении «Бородино», где идет «за строем строй» русских воинов, реализующих своей жизнью идеал братства и защиты общего Отечества. В «Бородино» масса народа, готовая к подвигу жертвенной любви к Отечеству, не безлика, автор создает и образ полковника, что «слуга царю, отец солдатам», и сами солдаты предстают как личности, испытавшие вдохновенный подъем высокого чувства ответственности за судьбу своего мира.

В той ситуации, когда человек и человеческое сообщество живет идеалом, который имеет объединяющую природу, толпа преобразуется в подлинную братскую общность людей, где индивидуум не противостоит мас-

се и не исчезает в ней, не прячется за масками и условностями. Произнося слова: «Да, были люди в наше время», герой лермонтовского стихотворения представляет и всех, и каждого, давая высокую оценку возможностей человека как такового. В противовес западному романтизму русское литературное движение, называемое романтическим, не культивирует индивидуализм, но высший смысл человеческого бытия видит в соборном устройении человеческого духа, покоящегося на любви и единении.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Лермонтов М.Ю. Соч.: В 4 т. – Т. 1. – М., 1957. – С. 210. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страницы в тексте.
2. ОР РНБ. Ф. 539, оп. 1, пер. 95, лл. 120-127.
3. Одоевский В.Ф. Соч.: В 2 т. – Т. 1. – М., 1981. – С. 299.
4. Буслаяв И.Ф. Мои воспоминания. – М., 1897. – С. 78.
5. Рылеев К.Ф. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. – М., 1956. – С. 125.
6. См.: Киселева И.А. О духовном патриотизме в русской поэзии 1830-х гг. / Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». № 3. – С. 140-144.
7. См: Касаткина В.Н. Литературные дома и их влияние на формирование творческой индивидуальности писателя // Взаимодействие творческих индивидуальностей писателей XIX – начала XX века. – М., 1991.
8. Русская литература XIX века. 1800–1830-е годы. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей. I часть / Под ред. В.Н. Аношкиной. – М., 1998. – С. 59.
9. Там же. – С. 54.
10. Там же. – С. 58.
11. Алпатова Т.А. Ф.И. Тютчев в салоне Карамзиных // Ф.И. Тютчев. Проблемы творчества и эстетической жизни наследия. – М., 2006. – С. 281.